

Наталья Казанкина

Счастье это тишина

* * *

На берегу усталого зимовья
еще потянешь руку ко виску,
и облака, спускаясь к изголовью,
да облегчат и память, и тоску.

А ветер там твою не горбит спину,
а выпрямляет, силу дав и рост.
И вот уже и дочери, и сыну
ты промолчишь на взоры и вопрос.

И вот уже, свою ль весну встречая,
ты отдаешь им право на ответ.
И вот уже, тебя не замечая,
они идут, бегут, летят – их нет.

Два стихотворения

Е. Г.

Больные нервы – серебром,
тончайшим током, шоком, гарью.
Ах, где ты, где, приютов дом
над бледно-голубой эмалью!
Где только мертвая трава

большому солнцу в оправданье,
где только кажется – зима,
а оглянешься – мирозданье.
И руки вольные чисты,
и слезы сладкие прекрасны,
где пепел моря, да, и ты,
и ты, жива еще, причастна.

В. Г.

И каждый корень дерево само
И дерево уходит, прочь уходит
Вот комната, и вот она в трюмо
и зеркало различья не находит
К тебе деревья руки тянут здесь
И там деревья руки свои тянут
И все деревья
В этом смысл весь
и скрипа, и звучания упрямо
По осени считают медяки
последние
тебе
стеклу
деревьям
Последние звонки и сквозняки
И отраженье зеркалу: не верь им
И отраженье зеркалу само
прозрачная древесная завеса
Вот комната и вот она в трюмо,
без зеркала, без маленького веса

* * *

счастье это тишина о нем
полое заполненное целым
утро или вечер пред дождем
дождь и отражения на белом

тихо и обрывисто, легко
просто и ничем не принужденно
капли, поднимаясь высоко,
только опускаются бездонно

в угол совершившихся потерь
преломленьем бережного света
там, где начинается теперь
новое невидимое лето...

* * *

О. М.

На солнцепеке у ограды
с турецкой чашечкой пустой,
в ушах жужжание цикады,
что слух оттачивает твой,

блаженно так, так сиротливо,
задравши птичий хохолок,
высокомерно, горделиво,
ты остров мира, островок.

Ни ветер, порванный, плененный,
ни время зыбкого песка
не прикоснулись, обделенный,
и мировая скорбь, тоска.

И Каффа, звездная, ночная,
и втоптаный ногою ритм
в сухую пыль остатков рая –
разъединяет и роднит.

Как тяжелы твои приметы,
и как легки они теперь.
И столько моря! столько света!
Не захлебнись слюною, зверь...

Синие льды

1.

Но вспоминать о нас не будут,
ибо не узнаны идем.
Там снеговые тают пути
и леса стонет окаем.

От нас останется в итоге
роса, вплетенная в листву,
у наикрайнейшей дороги,
и не во сне, не наяву.

А осень вечна. Постоянство –
это великая судьба.
Какое долгое упрямство –
летит и падает листва.

Летит и падает, рождает
сухое ветрие зимы.
Но ни к чему не принуждает.
И вечны и свободны мы.

2.

любая боль когда-нибудь пройдет
когда-нибудь последней будет осень
и там где небо чертит долгий взлет
и далеко и бережно уносит
и там где свет во тьме неразличим
над тишиной склонившихся итогов
и там где сон и ветер лишь один
и там где так всего несметно много

стареет день, гранит теряет твердь
за красотою тихо ходит смерть
крыло птенца грубеет и растет
и тает лед
последний тает лед...